

В. В. КАЛАШНИКОВ

ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Проблема возможных альтернатив в развитии Русской революции 1917 года всегда интересовала историков.

Она была поставлена сразу после Октября в работах политических противников большевиков, которые мучительно искали ответ на вопрос, как и когда был упущен шанс остановить Ленина и направить ход революции в иное русло. В 1920-е годы наиболее авторитетным историком в антибольшевистском лагере был П. Н. Милюков. В своей книге «История второй русской революции» он указал на целый ряд особенностей российской истории, которые сделали победу большевиков возможной, но не считал ее predetermined и полагал, что у Л. Г. Корнилова были шансы остановить В. И. Ленина. Однако, по мнению П. Н. Милюкова, корниловскую альтернативу большевизму погубил А. Ф. Керенский, который, стремясь к личной власти, сорвал дело Корнилова. Неслучайно Милюков вторую часть своей книги о революции назвал «Корнилов или Ленин?», а третью – «Агония власти». Иными словами после неудачи Корнилова автор расценивал дальнейшие события лишь как агонию Временного правительства, хотя и не считал осенний успех большевиков predetermined¹.

Советские историки 1920-х гг. рассматривали вопрос об альтернативных путях развития революции в другом ракурсе. Они создавали концепцию *необходимости* и *закономерности* пролетарской революции в России, которая порой находила выражение в тезисе о *неизбежности* победы большевиков². Так, М. Н. Покровский, крупнейший большевистский историк 1920-х годов, критиковал П. Н. Милюкова за то, что тот в своей книге не ответил на вопрос: «почему было *неизбежно*, чтобы большевизм стал у власти в октябре 1917 года?». Однако Покровский выводил эту «*неизбежность*» не из пресловутых «железных законов истории», а из конкретной ситуации 1917 года,

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1 – 3. София, 1921–1924.

² Все выделения *курсивом* в тексте, за исключением особо оговоренных, сделаны автором статьи.

созданной отказом кадетов и правых социалистов решить вопросы о земле и мире. При этом Покровский признавал, что в принципе противники большевиков могли бы их решить. Например, кадеты могли выйти из войны, как это сделала германская буржуазия: «не дожидаясь спартаковского взрыва, начала мирные переговоры – и спаслась»³. Иными словами, он признавал возможность альтернативного развития революции, утраченную в силу ошибок противников большевиков. В таком контексте тезис о неизбежности был литературным оборотом, а не историографической позицией. По-иному и не могло быть. Покровский был свидетелем и участником революции и прекрасно понимал, что не только кадеты и эсеры, но и лидеры большевиков осенью 1917 года могли принять решения, которые изменили бы ход истории. Покровский не мог не знать, как трудно ЦК большевиков принимал решение о восстании, о расколе в ЦК и СНК в послеоктябрьские дни по вопросу о формировании однородного социалистического правительства. Иные решения уже по этим двум вопросам несли в себе иные альтернативы развития событий.

Концепция «неизбежности» не сложилась в советской историографии 1920-х гг. и потому, что ее не было в ленинских работах о революции, хотя Ленин термин «неизбежность» иногда использовал. В знаменитой резолюции ЦК партии большевиков от 10 октября он написал о том, что восстание против Временного правительства *«неизбежно и вполне назрело»*⁴. Однако фраза о неизбежности восстания была только способом однозначно закрепить с трудом принятое решение о его подготовке. Ленинские работы осени 1917 г., доступные историкам, ясно показывали, что Ленин рассматривал ситуацию как критическую: большевики могли как использовать, так и упустить благоприятный момент для взятия власти. Вот известные строки из статьи «Кризис назрел», написанной Лениным 29 сентября 1917 г.: «Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом». А вот и приписка к этой статье для актива партии: «в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. ... Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти»⁵.

³ Покровский М.Н. Противоречия г-на Милюкова. М.: Красная новь, 1922. С. 34–36.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 393.

⁵ Там же. С. 280–281. (Выделения курсивом сделаны В.И. Лениным).

Читая эти строки, трудно сделать вывод о том, что Ленин считал победу большевиков *неизбежным* результатом развития революции.

В своих осенних статьях Ленин постоянно ставил вопрос об альтернативах и показывал, какие альтернативы развития событий могли возникнуть в случае отказа большевиков взять власть до II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленин писал о казаках, об опасности «второй корниловщины», но он явно более всего боялся действий «умеренных социалистов». Под давлением масс они могли принять половинчатые решения по вопросам о земле и мире и тем самым разрядить революционную ситуацию.

В работах Ленина после 1917 года также не было попытки превратить тезис о необходимости Октябрьской революции в тезис о ее неизбежности. В октябре 1921 г. в «Правде» была опубликована ленинская статья, посвященная четырехлетней годовщине Октября. В ней не раз повторяется мысль о том, что большевики «как никто» доделали буржуазную революцию до конца, продвигаются вперед к революции социалистической, «зная, что только борьба решит насколько нам удастся ... продвинуться вперед ... какую часть наших побед закрепим за собой»⁶. В этих словах отражена позиция Ленина по отношению к социалистической революции в России, свободная от веры в какую-либо predeterminedность конкретно-исторического процесса.

После смерти Ленина в 1924 году Троцкий выпустил работу «Уроки Октября», которая напомнила партии о драматических моментах борьбы за власть. Троцкий прямо показал, что взятие и удержание власти большевиками осенью 1917 года критически зависели от усилий Ленина. Работа была пронизана идеей альтернативности в истории революции. Поскольку Троцкий прямо бил по своим соперникам Зиновьеву и Каменеву, постольку в партии разгорелась ожесточенная дискуссия. Отвечая Троцкому, его соперники и не думали о том, чтобы отрицать решающую роль субъективного фактора в критический момент революции. Троцкого ругали за то, что ему «обязательно хочется отодрать Ленина от Цека, противопоставить их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась»⁷. Мы не будем касаться сути спора, отметим лишь, что на фоне и после этой дискуссии трудно себе представить появление работ, в которых победа большевиков рассматривалась бы как «предeterminedная».

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 145.

⁷ Как не нужно писать историю Октября // Правда. 1924. 2 ноября.

Уже с середины 1920-х годов важную роль стали играть работы Сталина. В марте 1924 г. выходит его брошюра «Об основах ленинизма», которая вскоре превращается в учебник для членов партии, многократно переиздается и входит в шестой том Сочинений Сталина. В брошюре в принципе говорится о неизбежности пролетарской революции в эпоху империализма («система в целом созрела для революции»), обосновывается тезис о России как слабом звене в империалистической цепи, но нет тезиса о неизбежности победы большевиков в революционном 1917 г.⁸

Следует отметить, что Сталин вслед за Лениным использует термин «неизбежность», но всегда с явной ориентацией на ленинскую революцию от 10 октября. Так, в статье «Октябрьский переворот», написанной в 1918 г. к первой годовщине Октября, Сталин говорил о том, что «хозяйственная разруха» и «нежелание фронта продолжать войну определило *неизбежность* быстрого и строго организованного восстания, как единственного выхода из создавшегося положения»⁹. При этом тезис о неизбежности восстания Сталин не трактовал как тезис о неизбежности его победы. В октябре 1920 г. Сталин, вспоминая события октября 1917 г., говорит об успехе большевиков почти как о каком-то чуде: «Обозревая прошлое Советской власти, невольно вспоминаю вечер 1917 года, 25 октября, три года тому назад, когда мы, маленькая группа большевиков, во главе с товарищем Лениным, имея в руках Петроградский Совет (он был тогда большевистским) и незначительную Красную гвардию, имея в своем распоряжении всего-навсего маленькую, не вполне еще сколоченную коммунистическую партию ..., как мы, эта маленькая группа, сняв с власти представителей буржуазии, передали власть 2 съезду Советов»¹⁰.

Среди работ советских историков 1920-х годов, ставивших вопрос об альтернативах русской революции, следует отметить вступительную статью к сборнику мемуаров белогвардейцев, которую написал С.А. Алексеев. Анализируя ситуацию осени 1917 года, он говорит о том, что реальными были только «два пути: либо к рабоче-крестьянской республике Советов, либо к буржуазно-помещичьей реставрации». Третий путь «революционной демократии» он считает нереальной альтернативой. Оценивая шансы второго пути, автор отмечает неспособность корниловцев в дни мятежа найти опору в солдатских и даже казачь-

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 93–98.

⁹ Там же. Т. 4. С. 152.

¹⁰ Там же. С. 391.

их частях. В итоге первый путь подается как наиболее реальная альтернатива, но автор нигде не говорил о неизбежности победы большевиков¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что советские историки 1920-х годов отнюдь не отрицали возможность альтернативного развития русской революции, хотя и не выдвигали вопрос об альтернативах на первый план. Они решали другую задачу: обосновывали необходимость и закономерность социалистической революции в России, обусловленную особенностями мирового и национального развития.

С 1938 г. историки почти два десятилетия были вынуждены руководствоваться установками книги «История ВКП(б). Краткий курс». В ней с искажениями излагается история Октябрьской революции, которую по версии авторов книги творили два вождя – Ленин и Сталин. В книге была фраза о том, что в конкретных условиях октября 1917 г. *«никакие силы не могли уже остановить победного шествия социалистической революции»*¹². Эта фраза могла дать толчок для утверждения в советской историографии тезиса о неизбежности победы Октября. Но «Краткий курс» в прямой постановке такого тезиса не содержал.

В 1943 г. после долгой задержки вышел второй том пятитомной «Истории гражданской войны в СССР», в котором излагалась история подготовки Октябрьской революции. Весь приведенный авторами материал свидетельствовал о том, что осенью 1917 г. события могли развиваться по-разному. Говоря об уроках Октябрьского вооруженного восстания, авторы в качестве первого сформулировали тезис о том, что «победа никогда не приходит «самотеком», она достается только после тяжелой, упорной организованной борьбы»¹³. Отрицание «самотека», т.е. «предопределенности» октябрьской победы большевиков было логичным на фоне традиции, которая сложилась в советской историографии в 1920-е и сохранилась в 1930-е годы, несмотря на все искажения, связанные с утверждением культа личности Сталина.

Тезис о неизбежности победы большевиков в революции 1917 года как элемент официальной историографической концепции появился в советской историографии уже после смерти Сталина. После XX съезда КПСС историки

¹¹ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев; Октябрьская революция. М.;Л.: Госиздат, 1926. С. IV, XII.

¹² Цит. по: История ВКП(б). Краткий курс. М.: ОГИЗ, 1946. С. 198.

¹³ История Гражданской войны в СССР. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1943. С. 280.

выступили против концепции «двух вождей» и стали делать акцент на решающую роль Ленина в выработке и осуществлении курса на пролетарскую революцию. Однако акцент на роль Ленина невольно вел к выводу о том, что победа большевиков зависела от позиции одного человека – вождя партии, который в острой борьбе с трудом сумел уговорить соратников использовать удобный момент для взятия власти. Ряд историков посчитали, что такая трактовка подрывает тезис о закономерности Октябрьской революции.

Острый спор по этим вопросам возник на Всесоюзной научной сессии, проходившей в ноябре 1962 г. и посвященной истории Октября. На сессии впервые говорилось о колебаниях не только Зиновьева и Каменева, но и целого ряда других членов ЦК в вопросе о проведении восстания до II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Ленинградский историк А. Л. Фрайман в своем выступлении сделал акцент на ленинском тезисе о том, что в условиях октября 1917 г. «малейшее промедление с восстанием смерти подобно». Его коллега В. И. Старцев заявил, что «только огромная воля и энергия Ленина ... позволили преодолеть вредные влияния тактики ожидания съезда Советов». В заключительном слове самый влиятельный историк того времени академик И.И. Минц решил подправить столь сильный акцент на решающую роль одного человека, Ленина: «Я не могу присоединиться к мнению, что ЦК и ВРК будто бы вели оборонительную тактику вплоть до ночи 24 октября» (т.е. до прихода Ленина в Смольный – В.К.)¹⁴. Отметим, что на этой сессии говорилось и об альтернативах развития революции, в частности шел спор о возможности мирного развития после корниловщины, оценивались перспективы компромисса, предложенного большевиками эсерам и меньшевикам.

Вскоре после этой сессии зав. сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Н. Голиков в статье об Октябрьской революции, помещенной в третьем томе «Советской исторической энциклопедии», покритиковал историков 1920-х годов за то, что они недостаточно раскрывали «исторические закономерности, обусловившие *неизбежность* победы социалистической революции в России» и сформулировал тезис о том, что «перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую было *неизбеж-*

¹⁴ См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.: Наука, 1964. С. 62, 81, 464.

но»¹⁵. Никто до этого не формулировал тезис о «неизбежности» так категорично.

Однако позицию Г. Н. Голикова разделяли далеко не все историки. В 1966 году автору этих строк довелось слушать спецкурс Н. А. Корнатовского, авторитетного историка Октября, профессора истфака Ленинградского университета. Он анализировал историю прихода В. И. Ленина в Смольный в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. и показывал, что именно В. И. Ленин заставил членов ЦК отказаться от оборонительной тактики и перейти к захвату стратегических центров столицы, а затем и Зимнего дворца. Бескровный захват Зимнего дворца воодушевил делегатов II съезда Советов и позволил большевикам сформировать правительство. Н. А. Корнатовский изложил эту позицию на научной конференции в юбилейном 1967 г.: «Октябрьский триумф стал возможен в результате удачного сочетания объективных и субъективных факторов. ... Октябрьская революция придала в конечном итоге решающее значение субъективному фактору ... стала возможной только потому, что во главе российского пролетариата и его политической партии стоял В. И. Ленин»¹⁶.

Н. А. Корнатовский мог позволить себе такую трактовку событий потому, что в Тезисах ЦК КПСС, вышедших летом 1967 года к 50-летию Октября, ни слова не говорилось о неизбежности или предопределенности победы большевиков в ходе русской революции¹⁷.

Следует отметить, что в 1967 году вышел в свет десятый том «Советской исторической энциклопедии», в котором перу Г. Н. Голикова принадлежит статья, прямо посвященная Октябрьскому вооруженному восстанию в Петрограде, и в ней автор говорил о «неизбежности» восстания, но не о предопределенности его победы. Он признает, что вечером 24-го октября «ВРК еще медлил с директивой об общем широком наступлении на важнейшие центры контрреволюции», и приводит текст ленинского письма, из которого ясно, что судьба восстания висела на волоске¹⁸.

¹⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е. М. Жукова. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 43.

¹⁶ Корнатовский Н. А. В. И. Ленин в Октябрьской революции // 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 3–5.

¹⁷ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1967.

¹⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 515, 521.

В 1967 г. группа ленинградских историков издала двухтомник «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», в котором также показана решающая роль Ленина в кульминационный момент революции на фоне «оборонительно-выжидательной тактики» членов ЦК¹⁹. Позиция авторов двухтомника по своей концептуальной направленности отличалась от позиции, изложенной академиком И. И. Минц в 1967 г. в первом томе его трехтомника «История Великого Октября». Уже в предисловии к тому И. И. Минц говорил об «объективной неизбежности» революции²⁰.

Споры о роли Ленина, о сроках начала восстания фактически были спорами об альтернативах развития революции в решающий момент, но при этом проблема альтернатив, как таковая, не выдвигалась на первый план.

Споры советских историков не остались незамеченными их зарубежными коллегами. В 1967 г. в США вышла книга американского историка Р. Дэниэлса «Красный Октябрь», в которой автор в жесткой форме представил все то, о чем говорилось на сессии 1962 г., и построил следующую схему: Ленин не смог убедить ЦК в необходимости выступления до решения II съезда Советов; преобладающей была тактика ожидания; однако Керенский ударом по типографии «Труд», где печатался ЦО большевиков, газета «Рабочий путь», лишил ЦК возможности проводить тактику ожидания и вызвал ответные действия «в целях самозащиты», которые и дали большевикам неожиданно легкий успех. Иными словами, победа большевиков в октябре 1917 года была представлена автором как результат случайной игры политических сил²¹.

Появление книги Р. Дэниэлса усилило стремление представителей официальной советской историографии поставить знак равенства между концепцией закономерности и концепцией неизбежности победы Октября. Так, упомянутый выше Г. Н. Голиков в статье об Октябрьской революции, написанной для «Большой советской энциклопедии», весьма авторитетного издания, не только повторяет тезис о неизбежности, но и фактически приписывает его Ленину: «Революционный пролетариат России не мог остановиться на

¹⁹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2. С. 297.

²⁰ Минц И.И. История Великого Октября. В 3-т. Издание 2-е. Т. 1. 1977. С. 7.

²¹ Daniels R. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967. P. 131–133, 146, 215–216.

этапе буржуазно-демократической революции, и, как предвидел Ленин, её перерастание в социалистическую было *неизбежно*²².

Используя термин «неизбежность», Г. Н. Голиков и И. И. Минц стремились заблокировать тезис о случайности Октябрьской революции. Но такой способ не способствовал разработке в советской историографии вопроса об альтернативах в истории 1917 года.

В период «перестройки» полемика по поводу возможных альтернатив развития событий в революционном 1917 г. перешла в активную форму. Она занимала видное место на «круглом столе» историков, состоявшемся 22–23 октября 1988 г. Материалы «круглого стола» были дополнены и изданы²³. Ряд публикаций на эту тему был издан в 1991 г. в сборнике «Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа?».

Наиболее авторитетными участниками этих дискуссий были академик И. И. Минц и академик П. В. Волобуев. И. И. Минц, рассматривая проблему альтернатив, фактически повторил свою позицию, изложенную в трехтомнике «Великий Октябрь» и сказал: «Октябрь был путем спасения России. Он был *неизбежен и необходим*. Ему *не было альтернативы*»²⁴.

П. В. Волобуев предложил следующую концепцию: Февральская революция стала «исторической неизбежностью», потому, что царь отказался «поступить хотя бы частицей власти», и «наглухо заблокировал возможность каких-либо реформ». Февраль открыл альтернативу: «или социалистическая революция, или буржуазно-реформистское преобразование». Однако буржуазно-реформистский путь развития не состоялся, потому что буржуазия не пошла на реформы, которые затрагивали коренные интересы и привилегии капиталистов и помещиков, и «уже в апреле, если не раньше», они «затосковали по военной диктатуре». Если бы большевики промедлили с взятием власти, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. В условиях 1917 г. вероятность реформистской альтернативы «была невелика (неизмеримо меньше откровенно контрреволюционной)»²⁵.

²² Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 4. М.: «Советская энциклопедия», 1971. С. 376.

²³ Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989.

²⁴ См. выступление И.И. Минца, напечатанное в сборнике: Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 31.

²⁵ Волобуев П.В. 1917 год: была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 139–150.

В. И. Старцев не согласился с П. В. Волобуевым и отбросил альтернативу «Ленин или Корнилов». Он так сформулировал «настоящую “правильную” альтернативу применительно к осени 1917 года: *или* продолжение развития России по буржуазно-демократическому пути при сохранении у власти правительства Керенского и в условиях подготовки и проведения Учредительного собрания, *или* насильственное низвержение этого правительства большевиками с целью положить начало мировой социалистической революции». По мнению В. И. Старцева, Керенскому следовало немедленно объявить о начале переговоров о перемирии с Германией и передать помещичью землю в ведение земельных комитетов. Керенский не сделал этого, и тем самым закрыл демократическую альтернативу большевизму: «24 октября 1917 года альтернативы власти Советов и большевиков больше не существовало»²⁶.

На наш взгляд, В. И. Старцев прав в том, что отказался от тезиса «Ленин или Корнилов» применительно к ситуации сентября–октября 1917 года. Августовский провал первой «корниловщины» практически закрывал возможность организации второй и успешной попытки правого военного переворота. Однако мы не готовы считать Керенского наиболее реальной альтернативой Ленину в сложившихся условиях. Дело в том, что Керенский к октябрю 1917 г. потерял доверие рабочих и солдат, многих активистов Советов всех уровней и даже партии эсеров, которые на III съезде не избрали Керенского в состав нового ЦК. Второй съезд Советов и без большевистского восстания сформировал бы правительство из советских партий без Керенского во главе. На этом съезде большевики имели самую большую фракцию, что не оставляло Керенскому шансов, даже если бы накануне съезда он и объявил о решениях, упомянутых В. И. Старцевым. Но опережающий маневр Керенского в вопросах мира и земли мог лишить Ленина возможности своими декретами выдвинуться на съезде на первый план и возглавить правительство. Вопрос о составе правительства мог стать предметом торга и компромисса. Лидеры правых социалистов могли добиться создания такого коалиционного правительства, которое довело бы страну до Учредительного собрания. Возмож-

²⁶ Старцев В.И. Альтернатива: фантазии и реальность // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 124–138. См. также перепечатку статьи: Старцев В.И. Октябрь 1917-го: была ли альтернатива? Свободная мысль. 2007. № 10. С. 103–106.

ность такого развития событий показывает излишнюю категоричность тезиса В. И. Старцева о том, что с 24 октября альтернативы власти большевиков «больше не существовало». Восстание, предпринятое большевиками в ночь на 25 октября, само по себе не предрешало итогов работы съезда. Итоги определила ошибка правых социалистов, которые встали на путь бойкота съезда, отдав его большевикам. Эта ошибка не была запрограммирована.

Следует отметить, что вскоре после съезда в результате ультиматума Викжеля вновь возникла реальная возможность создания «однородного социалистического правительства». Хорошо известно, что Ленину с огромным трудом удалось убедить большую часть членов ЦК не делить с эсерами и меньшевиками власть, полученную на II съезде Советов. Этот успех Ленина тоже не был запрограммирован. И ему опять помогли ошибки правых социалистов, которые не искали компромисса с большевиками. Они встали на путь непризнания декретов II съезда Советов, требовали формирования Советского правительства с эсеровским большинством и отвергли возможность участия в нем Ленина и Троцкого.

На наш взгляд, формальная (хотя и малореальная) возможность создания многопартийного советского правительства сохранялась до лета 1918 г. — до того момента, когда правые социалисты создали Комуч и с оружием в руках выступили против власти Советов. Это позволило большевикам в июне исключить правых социалистов из состава ВЦИК Советов, превратив последние практически в органы *двухпартийной* власти.

Но и в этой ситуации сохранялись возможности альтернативного развития событий. Быстрый рост числа крестьянских Советов вел к увеличению числа левоэсеровских делегатов на советских съездах. И из младшего партнера большевиков левые эсеры могли в достаточно короткое время превратиться в старшего или, по крайней мере, равного партнера большевиков. Это означало, что в Советах сохранилась бы двухпартийная система, что открывало перспективный путь развития советской демократии. Левые эсеры не захотели ждать и подняли мятеж в дни работы V съезда Советов в июле 1918 г. После неудачного мятежа партия левых эсеров потеряла возможность легального соперничества с большевиками за власть в рамках Советов. Мятеж подтолкнул большевиков к принятию избирательного закона, который приравнял 1 голос рабочего к 5 голосам крестьян. И вот теперь альтернатива однопартийной власти большевиков была практически закрыта.

Отметим, что В. И. Старцев, рассматривая проблему альтернативного развития революции, в тоже время использует термин «неизбежность» в отношении октябрьской победы большевиков и, также как и М. Н. Покровский, выводит ее из конкретных обстоятельств осени 1917 года: «Среди тех обстоятельств, которые сделали Октябрьский переворот не только возможным, но и *неизбежным*, была и позиция Временного правительства, Керенского и военных властей в Петрограде»²⁷.

Иными словами, признание неизбежности победы большевиков в условиях, реально сложившихся в октябре 1917 года, не рассматривается В. И. Старцевым как несовместимое с признанием возможности альтернативного развития революции на более ранних стадиях ее истории.

В постсоветской историографии проблема альтернативности в русской революции 1917 года стала предметом специальных работ и диссертационных исследований. При этом стало модным критиковать советскую историографию, ситуацию в которой зачастую рассматривали односторонне. Примеры такого рода критики содержит кандидатская диссертация А. В. Придорожного «Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии». Оценивая советскую историографию, автор полагает, что «уже в 20-е гг. в отечественной исторической науке была заложена традиция характеризовать любые идеи, ставившие под сомнение тезис о *закономерности и предопределенности* революционного процесса в 1917 г., как враждебные буржуазные вымыслы». По мнению А. В. Придорожного, «неизменной эта традиция оставалась и в последующие годы». Такая трактовка нам представляется не точной. Очевидно, что понятия «закономерность» и «предопределенность» имеют разный смысл. Как было показано выше, ни в 1920-е, ни в 1930-е гг., ни тем более в последующие десятилетия советские историки не выдвигали тезиса о «предопределенности» победы Октября. А те историки, которые использовали термин «неизбежность», практически всегда выводили ее из конкретной ситуации осени 1917 года, когда по признанию многих современников, дорога большевикам к власти была открыта.

Говоря о постсоветской историографии, А. В. Придорожный стремился показать, что в последние десятилетия были сделаны крупные шаги вперед в

²⁷ Старцев В.И. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 151–156.

изучении проблемы альтернативности. Однако он не смог четко сформулировать, в чем состоит это продвижение. Автор отмечает большие разногласия у историков в трактовках проблемы альтернатив. Единственное согласие он видит в следующем: «какие бы разногласия не вызвали обсуждавшиеся вопросы, большинство исследователей признало, что итог к которому пришла страна в 1917 г. отнюдь не *являлся неизбежным*»²⁸. Можно ли считать этот итог новаторским вкладом в науку? Как мы показали в своей статье, советские историки, вслед за Лениным, исходили из того, что октябрьская победа большевиков стала результатом борьбы, исход которой мог быть иным на каждом этапе революции. Так что упомянутое «признание», сделанное в постсоветской историографии, не несет в себе ничего нового.

На наш взгляд, в постсоветской историографии главным образом продолжилась разработка тех сюжетов, связанных с проблемой альтернатив, которые рассматривались в советской историографии. В этой связи наиболее интересной, по нашему мнению, является статья Г. А. Герасименко «Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров». В ней автор делает акцент на тезис о том, что уже после июльских событий в России установилась *правоцентристская «демократическая диктатура»* А. Ф. Керенского. Эта диктатура выстояла в момент удара Корнилова, олицетворявшего правую военную диктатуру. Выстояла потому, что корниловский мятеж привел к временному объединению Керенского и Советов. Однако сам факт мятежа резко усилил позиции большевиков. Теперь судьба Керенского зависела от его способности быстро выполнить требования народа о земле, мире и созыве Учредительного собрания. Керенский отказался это сделать, а правые социалисты не смогли использовать Демократическое совещание и Предпарламент, чтобы поставить Керенского под контроль или самим осуществить эту «триединую программу» революции. В такой ситуации, считает автор, противостоять большевикам было уже некому²⁹. Таким образом, автор считает, что в конкретных условиях осени 1917 г. все возможные альтернативы большевикам исчерпали свой потенциал, а их носители упустили свой шанс. Мысль о правоцентристской диктатуре Керенского заслуживает вни-

²⁸ Придорожный А.В. Проблема альтернатив общественного развития периода революции 1917 года в отечественной историографии: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Тюмень, 2001.

²⁹ Герасименко Г. А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 12, 19–21.

мания. В то же время отметим, что трактовка Г. А. Герасименко близка к трактовке, предложенной В. И. Старцевым.

Если говорить о каких-то новых подходах, то следует выделить постановку вопроса о роли местных общественных организаций коалиционного типа, которые возникли после Февраля и существовали наряду с органами Временного правительства и местными Советами. В этой связи интерес представляет диссертация А. Ю. Буровой «Исполнительные комитеты общественных организаций и альтернативы развития революции 1917 года». Автор показала, что исполнительные комитеты общественных организаций, составленные на многопартийной основе в определенный период времени успешно действовали и «потенциально содержали в себе вариант развития страны по пути мирной демократической эволюции». Однако этот путь «не был до конца реализован в силу многих объективных и субъективных факторов». Далее автор говорит о «закономерности ... исчезновения исполнительных комитетов с политической арены еще до октября 1917 года»³⁰.

Мы согласны с последним выводом, но не разделяем тезиса о том, что местные общественные организации центристского типа могли сами по себе открыть «третий путь» развития революции. Решая какие-то важные местные вопросы, местные организации могли действовать как коалиции разных политических сил и находить компромиссы. Однако по ключевым вопросам революции общенационального характера все участники коалиций должны были занять определенную позицию, которая делала компромисс практически невозможным. Как в центре, так и на местах кадеты, правые и левые социалисты должны были определить свое отношение к вопросам о мире, земле и власти Советов. И оно было разным.

Подводя итоги анализу позиций отечественных историков в вопросе об альтернативах в развитии революции 1917 г., сделаем следующие выводы.

Первое. Представление о том, что в советской историографии доминировала концепция неизбежности или предопределенности победы большевиков в октябре 1917 г. не отражает реальной ситуации. Тезис о «неизбежности» победы большевиков, сформулированный рядом «официозных» истори-

³⁰ Бурова А. Ю. Исполнительные комитеты общественных организаций и альтернативы развития революции 1917 года: На материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Иваново, 2006.

ков в 1960-е гг., был идеологическим штампом, призванным нейтрализовать тезис об Октябре как исторической случайности. В реальных же историографических концепциях советские историки говорили о «неизбежности» победы большевистской революции только применительно к конкретной ситуации осени 1917 года, когда большевики стремительно набирали силу в решающих центрах страны, а их противники свою силу стремительно теряли.

Второе. Отказ в постсоветской историографии от «догматической» марксистской методологии отнюдь не привел к каким-либо «прорывам» в решении этого вопроса в работах историков последних двух десятилетий. Вопрос о том, какие альтернативы были открыты на каждом конкретном этапе революции, был и остается предметом научных споров.

Третье. 1917 год действительно был годом открытых альтернатив. Многие историки фактически солидарны в понимании главных из них. Так, П. Н. Милюков еще в 1921 г. справедливо указывал на то, что для ситуации июля-августа 1917 года одной из альтернатив развития событий была победа Корнилова. Однако для установления военной диктатуры необходимо было социалистическое прикрытие. Керенский не дал Корнилову такого прикрытия, что свело шансы Корнилова к нулю.

После поражения Корнилова закрыть большевикам путь к власти могли только упреждающие действия эсеров и меньшевиков в решении вопросов о мире и земле. Об этом говорили многие советские историки, начиная с М. Н. Покровского. Этот тезис доминирует и в постсоветской историографии. Эсеро-меньшевистская альтернатива, имевшая хорошие шансы на успех в сентябре, была потеряна в ходе работы Демократического совещания и Предпарламента. Правые социалисты проявили явную неготовность радикально решать вопросы о земле и мире. Эта позиция правых социалистов и открыла большевикам путь к власти. В сложившихся условиях победа большевиков не была неизбежной, однако они имели реальные возможности взять и удержать власть и сделали это.

Четвертое. Реализация большевистской альтернативы в истории русской революции не была случайным результатом. Такой исход революции был обусловлен целым комплексом предпосылок и причин, сформированных как процессами мирового развития, так и особенностями российской истории.

Пятое. Проблема альтернатив развития событий в революционном 1917 году, при всей ее важности, не может быть ключевой в общей концепции истории Русской революции. Ее следует рассматривать в контексте более фун-

даментальной проблемы - проблемы исторической необходимости перехода России на путь социализма в условиях, сложившихся в начале XX века. Иными словами, общая концепция и общая оценка революции зависят от ответа на вопрос о том, мог ли российский капитализм стать инструментом преодоления отсталости, губельной для России в эпоху войн за передел мира, или эту задачу мог решить только социализм, в своем особом «мобилизационном» российском варианте.